

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 127 (3156)

Вторник, 27 октября 1953 г.

Цена 40 коп.

Работники литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

(Из Призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

ПРИЗЫВЫ ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

1. Да здравствует 36-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

2. Да здравствует международная солидарность трудящихся всех стран!

3. Братский привет всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм!

4. Да здравствует мир между народами!

Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран!

5. Трудящиеся всех стран! Крепите единство народов в борьбе за ослабление международной напряженности, за мир, против агрессивных сил, стремящихся развязать новую мировую войну! Умножайте и сплачивайте ряды сторонников мира!

6. Братский привет трудящимся стран народной демократии, успешно борющимся за дальнейший подъем народного хозяйства и повышение материального и культурного уровня жизни народа, за построение социалистического общества!

Да здравствует и крепнет нерушимая дружба и сотрудничество народно-демократических стран и Советского Союза!

7. Братский привет великому китайскому народу, успешно борющемуся за индустриализацию страны, за дальнейший подъем экономики и культуры, за всемерное укрепление своего народно-демократического государства!

Да здравствует и процветает нерушимая братская дружба и тесное сотрудничество Советского Союза и Китайской Народной Республики на благо народов наших стран и упрочение мира и международной безопасности!

8. Братский привет героическому корейскому народу, отстаивавшему свою родную землю от интервентов, борющемуся за восстановление народного хозяйства, за мир, за национальное единство!

9. Привет демократическим силам Германии, борющимся против преступных планов превращения Западной Германии в очаг третьей мировой войны!

Да здравствует Германская Демократическая Республика — надежный оплот борьбы за единую независимую миролюбивую демократическую Германию!

10. Привет японскому народу, мужественно борющемуся за национальную независимость, за мирное и демократическое развитие своей родины, против превращения Японии в военный плацдарм империалистов!

11. Братский привет народам колониальных и зависимых стран, борющимся против империалистического гнета, за свою свободу и национальную независимость!

12. Да здравствует дружба народов Англии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в их борьбе за предотвращение войны и обеспечение прочного мира во всем мире!

13. Да здравствует дружба между народами Советского Союза и народами Франции и Италии!

14. Да здравствует внешняя политика Советского Союза — незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политики международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами!

15. Советские воины! Настойчиво повышайте свои военные и политические знания, совершенствуйте свое боевое мастерство! Неустанно укрепляйте оборонную мощь социалистического государства!

Слава Советским Вооруженным Силам, стоящим на страже мира и безопасности нашей Родины!

16. Трудящиеся Советского Союза! Еще теснее сплотитесь вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, мобилизуем наши силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране!

Да здравствует нерушимое единение Коммунистической партии, Советского Правительства и народа!

17. Трудящиеся Советского Союза! Укрепляйте нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братскую дружбу между народами нашей страны! Неустанно укрепляйте единство великого Советского многонационального государства, укрепляйте могущество нашей социалистической Родины!

18. Трудящиеся Советского Союза! Обеспечим претворение в жизнь политики Партии и Правительства, направленной на решительное повышение уровня жизни рабочего класса, колхозного крестьянства, всего нашего народа! Добьемся крутого подъема производства товаров народного потребления!

19. Трудящиеся Советского Союза! Добивайтесь новых успехов в социалистическом соревновании за выполнение и перевыполнение пятого пятилетнего плана! Шире внедряйте в производство достижения науки, техники и передового опыта! Боритесь за новый мощный подъем народного хозяйства СССР!

20. Трудящиеся Советского Союза! Неустанно повышайте производительность труда! Добивайтесь полного использования всех возможностей и резервов социалистического хозяйства! Улучшайте качество и снижайте себестоимость продукции!

21. Рабочие и работники, инженеры и техники угольной промышленности! Увеличивайте добычу угля, быстрее стройте и вводите в действие новые шахты! Боритесь за неуклонный рост производительности труда, улучшайте использование техники, снижайте себестоимость угля! Больше угля народному хозяйству!

22. Рабочие и работники, инженеры и техники нефтяной промышленности! Быстрее осваивайте новые месторождения нефти и стройте нефтеперерабатывающие заводы, повышайте темпы бурения нефтяных скважин! Больше нефти и нефтепродуктов высокого качества!

23. Рабочие и работники, инженеры и техники электростанций и электропромышленности! Быстрее вводите в строй новые энергетические мощности! Увеличивайте производство электроэнергии, электротехнического и радиотехнического оборудования, а также товаров культурно-бытового назначения для населения!

24. Советские металлурги! Улучшайте использование мощностей металлургических и горно-рудных предприятий, развивайте механизацию и автоматизацию производственных процессов! Дадим стране больше чугуна, стали, проката, цветных металлов!

25. Рабочие и работники, инженеры и техники предприятий машиностроения! Увеличивайте производство новых машин, приборов и оборудования для всех отраслей народного хозяйства! Боритесь за оснащение сельского хозяйства высокопроизводительными машинами и орудиями! Больше тракторов, машин и запасных частей для сельского хозяйства!

26. Работники химической промышленности! Быстрее увеличивайте мощности предприятий! Обеспечим непрерывный рост производства минеральных удобрений, высококачественных красителей и других химических продуктов для удовлетворения возрастающих потребностей нашей страны!

27. Рабочие и работники, инженеры и техники — строители! Быстрее стройте новые предприятия, жилища, школы и больницы! Шире внедряйте индустриальные методы строительства, лучше используйте механизмы! Снижайте стоимость и улучшайте качество строительства!

28. Рабочие и работники, инженеры и техники промышленности строительных материалов! Всемерно развивайте производство строительных материалов, улучшайте их качество!

29. Рабочие и работники, инженеры и техники лесной и бумажной промышленности! Повышайте производительность труда, полностью используйте механизмы! Всемерно улучшайте качество продукции, снижайте ее себестоимость! Больше лесных материалов, бумаги и мебели!

30. Работники промышленности, производящие товары широкого потребления! Больше добротных и красивых тканей, добротной и нарядной одежды, прочной и изящной обуви и других товаров высокого качества! Обеспечим крутой подъем производства товаров широкого потребления!

31. Работники промышленности продовольственных товаров! Всемерно расширяйте производство продовольственных товаров, неустанно улучшайте их качество! Больше мясных и рыбных продуктов, масла, сахара и других продовольственных товаров для населения нашей страны!

32. Работники сельского хозяйства! Боритесь за новый мощный подъем всех отраслей социалистического сельского хозяйства с тем, чтобы в ближайшие два — три года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность!

33. Колхозники и колхозницы! Добивайтесь дальнейшего подъема и процветания всех колхозов страны! Боритесь за укрепление и всестороннее развитие общественного хозяйства, за увеличение валовой и товарной продукции земледелия и животноводства! Активнее внедряйте в колхозное производство достижения науки и передового опыта! Обеспечим рост доходов колхозов и повышение благосостояния колхозного крестьянства!

34. Работники сельского хозяйства! Всемерно развивайте общественное животноводство, добивайтесь высоких темпов роста поголовья скота, решительно повышайте его продуктивность! Боритесь за создание прочной кормовой базы, быстрее развертывайте строительство животноводческих помещений!

35. Работники машинно-тракторных станций и совхозов! Добивайтесь лучшего освоения и полного использования тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин! Боритесь за всемерное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, за рост общественного поголовья скота, за увеличение продукции земледелия и животноводства в колхозах и совхозах!

36. Колхозники и колхозницы, работники МТС и совхозов! Обеспечивайте быстрый рост производства картофеля и овощей! Добивайтесь значительного повышения урожайности этих культур, широко внедряйте механизацию и передовые агрономические методы выращивания овощей и картофеля!

37. Работники местной промышленности и промысловой кооперации! Увеличивайте производство товаров

широкого потребления и повышайте их качество! Всемерно расширяйте сеть предприятий бытового обслуживания населения!

38. Работники государственной и кооперативной торговли! Всемерно развертывайте советскую торговлю, улучшайте торговлю продовольственными и промышленными товарами в городе и деревне, расширяйте сеть магазинов и предприятий общественного питания! Выполняйте и перевыполняйте план товарооборота! Культурно обслуживайте советского потребителя!

39. Работники железнодорожного транспорта! Боритесь за увеличение пропускной способности железных дорог! Улучшайте использование подвижного состава и снижайте себестоимость перевозок! Лучше обслуживайте пассажиров! Обеспечивайте четкую работу транспорта в зимних условиях!

40. Работники морского и речного флота! Быстрее доставляйте грузы для народного хозяйства! Увеличивайте объем перевозок, ускоряйте оборот судов, улучшайте работу портов, пристаней и судоремонтных заводов! Неуклонно снижайте себестоимость перевозок! Образцово готовьтесь к навигации 1954 года!

41. Работники автомобильного транспорта и шоссейных дорог! Обеспечивайте бесперебойную перевозку грузов для народного хозяйства и товаров для населения, улучшайте перевозку пассажиров! Лучше используйте автомобильный транспорт, обеспечьте содержание шоссейных дорог в образцовом порядке!

42. Работники связи! Развивайте и совершенствуйте средства связи! Повышайте качество работы почты, телеграфа, телефона, радио! Улучшайте обслуживание населения!

43. Работники советских учреждений! Неустанно повышайте ответственность и культуру в работе государственного аппарата! Укрепляйте государственную дисциплину, строго соблюдайте социалистическую законность, чутко относитесь к запросам трудящихся!

44. Работники научных учреждений и высшей школы! Двигайте вперед советскую науку! Смелее развертывайте критику недостатков в научной работе! Повышайте роль науки в дальнейшем развитии промышленности и сельского хозяйства, расширяйте и улучшайте подготовку специалистов!

45. Работники литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

46. Работники народного просвещения! Повышайте качество учебно-воспитательной работы в школе! Воспитывайте культурных, образованных граждан социалистического общества, активных строителей коммунизма!

47. Медицинские работники! Улучшайте и развивайте дело здравоохранения, повышайте культуру в работе лечебных и санитарных учреждений! Внедряйте в практику достижения медицинской науки!

48. Советские профсоюзы! Шире развертывайте социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов! Распространяйте опыт новаторов производства! Проявляйте неустанную заботу о дальнейшем повышении материального благосостояния и культурного уровня рабочих и служащих!

Да здравствуют советские профсоюзы — школа коммунизма!

49. Советские женщины! Боритесь за дальнейший расцвет экономики и культуры нашей великой социалистической Родины!

Да здравствуют советские женщины — активные строители коммунизма!

50. Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи — передовой отряд молодых строителей коммунизма, активный помощник и резерв Коммунистической партии Советского Союза!

51. Советские юноши и девушки! Овладевайте наукой, техникой и культурой! Своим самоотверженным трудом укрепляйте могущество нашей Родины! Будьте стойкими и смелыми в борьбе за победу великого дела построения коммунизма в нашей стране!

52. Пионеры и школьники! Упорно и настойчиво овладевайте знаниями! Добивайтесь успехов в учении, труде и общественной работе!

53. Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов за выполнение и перевыполнение пятого пятилетнего плана, за дальнейший подъем благосостояния советского народа, за построение коммунизма в СССР!

54. Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик — твердыня дружбы и славы народов нашей страны, несокрушимый оплот мира во всем мире!

55. Да здравствует великий советский народ — строитель коммунизма!

56. Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, великая направляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!

57. Под знаменем Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к торжеству коммунизма!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

К ВЕРШИНЕ!

Самойлов долго поднимался к вершине Могутовой горы по скалозаводской тропинке, усыпанной прощелочными жавыми листьями. Сетка моросила. Медвежьи, почти невидимые капли однообразно шлепали по плечу, морские рывки падали на руки, лезли в лицо. Самойлов уже ждал, что предпринимать столь небезопасную туристскую вылазку. Однако еще дома, на Урале, она была намечена в программе командировки, и это обязывало его теперь упрямо лезть вверх по крутой известняковой тропе.

Весь свой командировочный срок Самойлов провел в котловане, возясь с гидрофильными, и по сути не вылез Волги. Впрочем, она все время давала знать о себе и там, на тридцатиметровой глубине. Она сердито ворчала за рыжей шпунтовой стеной, огораживавшей гигантский котлован, упрямо сопротивляясь строителям, пытаясь прорваться внутрь. Напрасный труд. Мутные склизкие струйки воды — вот все, что оставалось от строительной реки. Но даже эти струйки могли причинить немало бед, если ослабить наблюдение за ними. С бригадой рабочих Самойлов целыми днями лазил по котловану, прощая его дно тоякими жалами гидрофильных и устанавливая насосы глубинного водоотлива. Набежав на цу, вода окончательно покорилась человеку и, законная в трубы, выливалась обратно в реку.

Самойлов в общем был доволен результатами испытаний нового гидрофильного. Гидрофобность могут быть сложными: на дне котлована создается, как говорят, «спертный пол».

Наконец кустарник начал рехеть, тропинка выплыла последний раз в сторону, и Самойлов вышел на площадку. По плоской вершине проходила широкая накатанная дорога, обсаженная по сторонам вязом. Стоило пройтись сквозь чащу на такую высь, можно было подняться по дороге или, чего проще, приехать на машине! Он еще раз поглядел на пустынную дорогу и невольно откинул камешком.

Вот она, великая Волга! Внизу разлилась широкая полоса синеватой воды. Было так высоко, что ровная волная гладь отсюда казалась застывшей, словно река окаменела. Серый отпечаток дождя лежал на всем...

Самойлов был разочарован. Река, как река, каких немало он видел на своем веку. Он попытался настроить себя на торжественный лад. Волга-матушка! Обитель русской волины, колыбель Степана Разина. Сколько песен о ней сложено, сколько поэтов вдохновляла она!

Самойлов перевел взгляд на котлован, подкова которого, как бы выходя из подножия гор, подступала к середине реки. Сверху котлован был похож на исполинский кратер действующего вулкана, где все дымилось, бурлило и рокотало. Самойлов провел в котловане дней десять, но каждый раз он видел какие-то отдельные детали гигантской работы. Теперь он, узнавая одну за другой знакомые детали, охватил сразу все, и напряженная, полная звуков и движений картина труда захватила его.

Он достал пистолет и закурив. Ветер решительно раскатыл локматые облака в стороны. Прозравшийся виз, ослепительный солнечный луч вдруг легко провалился высшее над котлованом мауэром, упал на дно его яркого пятном, и оно тутчас засверкало на мокрой плите светлого бетона, заиграло, забегало по крышам машин.

Самойлов услышал быстро нарастающий грохот и удивленно обернулся. Вырвавшись из-за леска, на него стремительно надвигались огромные квадратные самосвалы. Они с ревом промчались по дороге, раскатывая в стороны комы мокрой земли. Огнь, второй, третий...

Увидев в вышках кузовов горы белог камня, Самойлов догадался, что машины идут с карьера. А самосвалы шли и шли почти вплотную, мелькали сосредоточен-

Анатолий ЗЛОБИН

ные лица водителей, за гигантскими махались пятитонные, тоже очень большие.

И котлован как бы вырос и расширился в глазах Самойлова, наметавшаяся все дальше на реку. Четвертый год идет великая стройка. Строители вынули шесть миллионов кубометров земли, обожгли древние пласты Жигудей и начали класть шестиметровую плиту бетона — фундамент будущей ГЭС.

На стройке началась горячая пора Большого бетона. Четкая колоннада башен бетонных заводов высилась на краю котлована, туда мчались машины с камнем, от туда бежали машины с бетоном, и серая глыбина бетона разрасталась с каждым днем все шире.

Берега связал серый громада бетонной плотины. Могучая река упрется в нее, ухвистывая, захватит перед ней — и разобьется необъятным морем по отелам и дугам, подступит к самому котловану, что сидит на горизонте...

Около двух миллионов выводят энергии произведет могучая река, поднимавшаяся на десятки метров у подножья Могутовой горы. Казалось бы, что такое одна киловатт? Мгновенная голубая искра?

Нет, одна киловатт может заменить мускульную силу десятков человек, может поднять две тонны груза на такую гору, как Могутова.

С помощью энергии одного киловатта можно сплести две пары обуви, выткать десять метров ткани, сварить и расфасовать сорок два килограмма сахара, высушить почти двести килограммов хлеба.

Чтобы вспахать один гектар земли электротрактором, нужно всего сорок киловатт-часов.

Одного киловатта достаточно, чтобы прокатить пятьдесят килограммов стали.

А сколько стоит один киловатт? Нескольким копейкам. Отсюда — дешевизна и, говоря иначе, низкая себестоимость всего произведенного с помощью электричества богатства.

Пятая сессия Верховного Совета СССР, постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС поставили перед страной новые большие задачи по развитию промышленности и сельского хозяйства.

Такая стройка, как Куйбышевская, будет способствовать решению многих из этих задач. Вот она скоро поднимется в бетоне, эта мощная энергетическая база!

Зародившись у подножья Могутовой горы, поток энергии великой реки пересечет почти половину России, дойдет до Москвы. Он сольется в единое кольцо с энергией, которую советские люди соберут у Волги под Сталинградом.

На берегах нового моря встанут новые селения и города. Рыба запечатается в его водах. Будет больше мяса и масла, сахара и одежды, посуды и мебели — всего, что нужно советскому человеку.

Пасмурный день уже не казался Самойлову таким пасмурным. Он подумал, что есть прямая связь между тем, что творится сейчас на Волге, и тем, как великий Ленин еще у колыбели нашего государства мечтал об изобилии электричества в стране.

Прощло, видно, не больше часа, как Самойлов поднялся на вершину горы. Казалось, внизу ничего не изменилось, осталось таким же, каким было час назад.

Но это было не так — за час были уложены сотни кубометров бетона, вывезены тысячи кубометров земли, откачаны тысячи литров воды — стройка продолжалась.

Самойлов хотел было остановиться самосвал, чтобы со звонким восторгом сжаться в кулак, но потом махнул рукой, перекинул через руку ладань и зашагал по широкой дороге, наспытавая незатейливый маршевый мотив. Нет, он не жалел о том, что ставил себя взбираться на эту высоченную гору, с которой так полно и ясно раскрылись дали заветного дня.

В селе Терпенье (Мелитопольский район, Запорожской области), где расположен колхоз имени Сталина, построен Дом культуры. В нем имеются зрительный зал на 500 мест, фойе, библиотека. На снимке: у Дома культуры колхоза имени Сталина. Фото А. Красовского

В честь Великого Октября

Вдохновенно трудятся в эти дни советские люди. Участники предоктябрьского социалистического соревнования ускоряют темпы выполнения своих планов, умножая богатства страны. Поток идет с Урала — на заводы, фабрики, на село — машины, сделанные в укороченные сроки и сверх плана. Колхозы Уральского завода транспортного машиностроения отгружают сейчас в два раза больше деталей для тракторов и сельскохозяйственных машин, чем в первом полугодии. Досрочно выполнили десятилетнюю программу горняки треста «Кемеруголь». По сжато графику ведут сборку новой турбины мощностью в 100 тысяч киловатт рабочие, мастера и инженеры металлургического завода имени Сталина (Ленинград). Идет сверхплановая руда из Кривого Рога. Слоят сверх плана одежда и обувь харьковские фабрики. Во множестве городов предстоят праздничные новоселья!

В ХОЗЯЙСКИХ РУКАХ

Несколько дней назад неподалеку от Ташкента на опытных полях Государственной среднеазиатской машиностроительной станции мы видели новую самоходную двухрядную хлопкоуборочную машину «СХС-14». Новый агрегат может работать в любую погоду и собирать сильно увлажненные хлопья.

Водителя этой машины комсомолец Джума Илизева знает сегодня во всех уголках республики. В совершенстве овладев техникой, он собрал своим агрегатом 40 тысяч килограммов хлопка, а сейчас, став на предоктябрьскую трудовую вахту, обязался до конца сезона дать 80 тысяч килограммов сырья. У молодого водителя много последователей в республике.

Не смолкает рокот хлопкоуборочных кораблей на полях Узбекистана. Растут горы «белого золота» на заготовительных пунктах, а от платформ хлопкокомбинатов заводы отправляются новые и новые шедлоны, груженные высококачественным волокном. Хлопок, выращенный узбекскими колхозниками, попадает в хозяйские руки.

Ташкент. (Наш корр.)

ПЕРЕД ПРАЗДНИЧНЫМИ КОНЦЕРТАМИ

Во Дворце культуры Сталинградского тракторного завода идет острая репетиция праздничного концерта. В нем участвуют восемь кружков художественной самодеятельности, объединяющих около 350 певцов, музыкантов, танцоров, декламаторов.

Готовится большая и интересная программа. Духовой оркестр исполнит отрывки из произведений Глинка и Чайковского, драматический коллектив покажет пьесу О. Васильева «Земной рай», детский балетный кружок выступит с массовым плясками. Наиболее интересная часть программы — вокальные номера. В репертуаре клавиршницы чуткоголюбительного хора Тамары Бородиной — русская народная песня, танго Юрия Мельникова «Готовит романс», Даргомыжского, лауреат Виктор Лукацкий и управляющая домом Праксова. Штанговец — Луиз Карсис и Одарки из оперы «Заворожен за Дунаем».

Незадолго до репетиции во Дворец пришли товарищи Валентин Марченко и слесарь Виктор Дмитриев. Валентин мастер организатора протом. Русский переплет в их исполнении включен в программу праздничного концерта.

Исполнительское мастерство коллективов художественной самодеятельности тракторозаводцев по праву пользуется огромным успехом у зрителей. Участниками самодеятельности — желанные гости на строительстве Сталинградского гидроэлектростанции, в колхозах, машинно-тракторных станциях. Их концерты транслировались по радио для стран народной демократии.

Мы получили много приглашений из колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций области приехать к ним на праздники, — сообщил нам художественный руководитель В. Бондаренко. — В праздничные дни мы дадим около шестидесяти концертов и спектаклей.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

РАЙОННАЯ МЕЛЬНИЦА

Нынешняя осень для колхозников Колхозника отчается своим богатством: урожай зерновых был хорош, га огородах — обилие овощей, картофеля собрано намного больше, чем в прошлом году. Выданы авансы на трудодень. Во многих колхозах выдали авансом на трудодень по килограмму и больше зерна.

Нужны мельницы!

Несколько лет назад, после фашистского нашествия, в деревнях Колхозника области горючили, что «хороги к мельницам заросли травой». Ныне эти хороги будут одними из самых оживленных. Особенно оживятся многочисленные хороги из колхозов к районным мельницам, отчающим сегодняшним требованиям колхозников. По этому поводу мы слышали много интересных разговоров. В Тарусском районе, в колхозе имени Калинин, в доме председателя Дмитрия Павловича Шустрова собрались однажды вечером колхозники. Они обратились к председателю с просьбой выдвигать ежедневно две-три подводы для поездов на мельницу.

Ныне зерна немало в каждом доме, — говорили они.

На другой день правление удовлетворило просьбу колхозников.

В другом месте, в колхозе имени Орджоникидзе, Колхозника района, колхозники обратились к правлению с просьбой помочь им произвести сортовой помол.

Следует сказать, что три с половиной десятилетия назад на один крестьянский села Дешевки, где расположен ныне колхоз имени Орджоникидзе, не мог мечтать не только о белом хлебе, но и черным его не вволю. Чтобы кое-как прокормить семью, крестьянин уходил на сторону. Село потому так и называлось, что из года в год, из десятилетия в десятилетие поставило в города дешевую рабочую силу.

Мечта хлебороба о своем, а не «покупном» хлебе ныне сбывается. На селе, где пшеница раньше почти не давала урожая, сегодня колхозники говорят, что «хата их красна не только углем, но и пирогами».

От тех, кто побывал на мельницах, мы слышали разноречивые высказывания, вроде того, что, мол, хорошую булку опять придется покупать в городе.

Почему?

Поезжайте на любую мельницу, сами поймете, почему...

Мы так и сделали. Но, прежде чем отправиться на мельницу, заглянули в Колхозника областную газету, которую подчинены все районные мельницы. В кабинете главного инженера Николая Константиновича Богатова мы увидели карту области, а на ней кружочки — места расположения мельниц. Таких кружочков было 35.

При внимательном рассмотрении карты мы обнаружили, что кружочки рассыпаны в беспорядке — где густо, где пусто. Красноречивое отсутствие их было заметно в кварталах Перемышльского, Бабынского и некоторых других районов. Между тем, как раз эти районы и являются крупнейшими производителями зерна.

Мельница — то нас хватало, — сказал инженер и добавил: — Знаете, наш трест по выполнению плана на первом месте в Российской Федерации... Беда в том, что в одном районе мельниц две, а то и три, а в другом — ни одной. Вот, например, в Московском районе колхозники до сих пор возят на помол зерно за сорок километров, а мы никак не можем построить там мельницу, хотя уже давно завезли туда оборудование. Очень медленно строим вапальные мельницы в городе Кирове и в селе Черкасское Ферзиковского района. «Росгизмукромол» невнимательно относится к нашему тресту.

Главный инженер помолчал.

Откровенно говоря, мне многое не нравится в организации дела.

Что именно?

Ответа не последовало.

Говоря языком главного инженера треста, нам тоже многое не понравилось в самом тресте и, особенно, в работе районных мельниц. Нам не понравилось, что трест, живя по старинке, рубко смотрит в завтрашний день. Руководители треста (управляющий тов. Егорышкин) гордятся тем, что успешно выполнили план, но не задумываются, что план занижен и что правы работники мельниц, которые, говоря о годовом производственном задании, называют его «трекостраховочным», т. е. рассчитанным на то, что местные колхозники будут получать по триста граммов зерна на трудодень.

А если колхозный колхозник получит по 2—3 килограмма зерна на трудодень, как тогда? — задали мы вопрос главному инженеру в другой раз.

Не справимся, — коротко ответил он. Быстрое повышение роста доходности колхозников, — а в данном случае реальная возможность высокой натуральной оплаты трудами зерном — ставит перед мельничным хозяйством Колхозника (да и только в Колхозника) области ответственные, не терпящие отлагательства, задачи, которые решать только на месте своими силами невозможно. Требуется помощь со стороны. Министрства промышленности продовольственных товаров, в частности, Главного управления мукомольной промышленности «Росгизмукромол».

Что представляют собой в большинстве своем мельницы Колхозника области? Это маломощные предприятия с допотопной техникой. К тому же многие из них полуразрушены. Пришла в полную негодность Березинская, Глуховская, Истоминская мельницы. На половину своей мощности работают Богдановская мельница в Дзержинском районе и Ивановская — в Мелитопольском.

Инженер треста Василий Андреевич Лучин, который побывал на всех мельницах, откровенно признается, что нет ни одной исправной, исключая, разве, двух вапальных.

Хозяйство наше держится на сгнивших подпорах, — образно выражается он. Мельницы все у нас старые, строились пятьдесят, сто лет тому назад. Колхозника область — край бессточных рек и рек. На реках здесь издавна строились многочисленные водяные мельницы. Когда-то их насчитывалось несколько сот. Теперь остались десятки. А жал! Водяная мельница более проста в эксплуатации, содержание ее обходится очень дешево. И вот с некоторых пор, как ни странно, водяная мельница перестала интересоваться местными властями. Рядом с новыми зданиями колхозных гидроэлектростанций можно увидеть полуразвалившиеся деревянные строения с вымшелой да к тому же еще дырявой крышей. Эта водяная мельница — красноречивый укор тем, кто, создавая новые предприятия, забыл о том, что и старые, при внимании к ним, могли бы принести немалую пользу.

Были бы материал и средства, — говорит управляющий трестом Ниль Петрович Егорышкин, — мы бы в два-три года восстановили все мельницы и повысили их производительность в несколько раз. Начинать это дело надо уже теперь!

Что и говорить, слова справедливые.

Сегодня колхозник, в чью жизнь входит довольство и богатство, обязан на работников мельниц не только за то, что приносят далеко возить на помол зерно, долго стоять в очереди, пока слезь зерно, и еще долго ждать готовую продукцию, — колхозник в глубокой обиде сегодня и на качество помола.

Чтобы удовлетворить требования к качеству помола, нужно капитально переоборудовать мельницы: сменить жернова на вапальные станки, установить просеивательные и зерноочистительные машины. Требования сельского населения к мукомольной промышленности растут, и она должна быть удовлетворена.

КАЛУГА

Иной раз к Тарусе Егорычу зашли лугавой вилу делус в вешеной фуражке потрошника, о пустой сумой из-под противогаза на боку, и принимались каничить, просить председателя, чтобы тот приехал ему трудовый, иначе он сторожить не станет. «Господь алловия прибайт, — отшучивался обычно Тарас Егорыч, а потом, когда делус уходя, объяснял мне: — Прихват тут кое-кто трудовый таскает. Ну, я решето поспе поставлю. Или прибрала кака-нибудь ветхая баба, спрашивала, можно ли выпустить гречневую крупу. Тарас Егорыч отвечал, что можно, тогда баба, желая протянуть разговора, интересовалась: «А какаа пена?» «Какая сама, такая и пена», — говорили, улыбаясь, Тарас Егорыч. А то еще случалось, что в вешеной тишине августовского поля слышались звуки поют комы и громыхали мчались по весь оро подволи. Председатель распахнул окно, выслушал наружу, и, когда возмач, паречал лет палачатки, остановил коня, выйдя к нему, ослабит череседы, сунет руку под селенку и покажет востану ладонь — всю в мыле. «Так вель в кузину», — оправдывается паречал и кивает на подволю, где лежит плуг. «На плугар — я то надо соображать», — спокойно скажет Тарас Егорыч.

Однажды, когда мы сидели вот так в правлении, Тарас Егорыч, услышав шум подхваченного грузовика, поглядел в окно и пренебрежительно, со стариковской наивностью проговорил:

Агроном пожаловал! Нашему перелазу троеродная дыра.

Я не успел подумать, почему председатель, будущий агроном, славил о приезде своего собрата с таким презрением, настолько мне умило, что слово-то это — «агроном», которое, как я помнил, составляло из двух греческих слов, означающих «поле» и «закон», относилось, по всей видимости, к Валентину Ивановичу Маливочке, осторожно вылезавшему на высокого кузова грузовика. «Закондатель полей», — пришла мне в голову фраза, похожая на заговорное откля от агронома, и я как бы примерил ее к Валентину Ивановичу, показав тот стоял посреди площади и старательно отряхивал с себя пыль. Мелкие початки автоматической руды и карнаша, торчавшие на нагрудном кармана его пиджака, ослепительно горели на солнце. Мне почему-то показалось, что это их блеск привлекал внимание старого гусака, постоянно слонявшегося около правления, где был

председатель, Валентин Иванович, являющийся подобным образом исключительно ради солидарности. Жалуюсь, к примеру, на свою бывшую жену, которая будто бы выпала на него какое-то завязание, он говорил: «Моя разведенная супруга сочинила про меня верюню».

С женой Валентин Иванович развлекся года три назад, считая женитьбу на железнодорожной проводнице ошибкой молодости. Он жил один, в узкой каморке, которую выиграл себе из общей комнаты, с отдельным холмом через сарай, где у него был устроен душ. Когда я как-то зашел к нему, он рассказал, что душ принимал ежедневно, даже зимой, для чего специально грел на керосинке воду, но голову мыл с мылом только раз в неделю, иначе волосы выпалили. Тогда же он показал мне и свою комнату, причем, подводя к кровати, сказал: «Здесь я сплю». «Здесь я сплю», — сказал Валентин Иванович, — «Здесь я вывожу свой идейно-теоретический уровень». Заметив, что я обратил внимание на фотографию молодой женщины, висевшую над столом, он с достоинством сообщил: «Это моя знакомая, с которой я состою в переписке, поскольку она живет в отдаленном от меня районе». На женщине был венчик из искусственных цветов с клычатыми лентами, переброшенными через плечо, а вокруг, образуя овальную рамку, белела выпаранная на негативе наплесь: «Если встретиться нам не придется, значит, наша такая судьба. Пусть навеки с тобой остается неопознанный человек мой». Я попросил разрешения записать эти строки, и Валентин Иванович не только не возражал, но даже дважды прочитал их вслух, опасаясь, как бы я не опустится ошибкой.

Должен сказать, что он во всем любил точность, благодаря чему в райисполкоме его ценили, как исполнительного работника. Когда бы я ни зашел к нему на службу, Валентин Иванович непременно трудился за своим столом. Справа от него, на расстоянии вытянутой руки, лежали на столе счета, а слева, точно на таком же расстоянии, стоял арфмометр. Под чернильной полостаной была промокательная бумага, на которую Валентин Иванович, чтобы не пачкать стол, имел обыкновение класть ручку. На кистучко для клен налет был картонный кружочек, который не давал ей слишком глубоко погрузиться в чернила. Мне пришло в голову, что Валентин Иванович первым из всех сотрудников составил календарную сводку, что, когда бы собла-

щество, то Валентин Иванович, будучи человеком довольно начитанным, являлся подобным образом исключительно ради солидарности. Жалуюсь, к примеру, на свою бывшую жену, которая будто бы выпала на него какое-то завязание, он говорил: «Моя разведенная супруга сочинила про меня верюню».

С женой Валентин Иванович развлекся года три назад, считая женитьбу на железнодорожной проводнице ошибкой молодости. Он жил один, в узкой каморке, которую выиграл себе из общей комнаты, с отдельным холмом через сарай, где у него был устроен душ. Когда я как-то зашел к нему, он рассказал, что душ принимал ежедневно, даже зимой, для чего специально грел на керосинке воду, но голову мыл с мылом только раз в неделю, иначе волосы выпалили. Тогда же он показал мне и свою комнату, причем, подводя к кровати, сказал: «Здесь я сплю». «Здесь я сплю», — сказал Валентин Иванович, — «Здесь я вывожу свой идейно-теоретический уровень». Заметив, что я обратил внимание на фотографию молодой женщины, висевшую над столом, он с достоинством сообщил: «Это моя знакомая, с которой я состою в переписке, поскольку она живет в отдаленном от меня районе». На женщине был венчик из искусственных цветов с клычатыми лентами, переброшенными через плечо, а вокруг, образуя овальную рамку, белела выпаранная на негативе наплесь: «Если встретиться нам не придется, значит, наша такая судьба. Пусть навеки с тобой остается неопознанный человек мой». Я попросил разрешения записать эти строки, и Валентин Иванович не только не возражал, но даже дважды прочитал их вслух, опасаясь, как бы я не опустится ошибкой.

Должен сказать, что он во всем любил точность, благодаря чему в райисполкоме его ценили, как исполнительного работника. Когда бы я ни зашел к нему на службу, Валентин Иванович непременно трудился за своим столом. Справа от него, на расстоянии вытянутой руки, лежали на столе счета, а слева, точно на таком же расстоянии, стоял арфмометр. Под чернильной полостаной была промокательная бумага, на которую Валентин Иванович, чтобы не пачкать стол, имел обыкновение класть ручку. На кистучко для клен налет был картонный кружочек, который не давал ей слишком глубоко погрузиться в чернила. Мне пришло в голову, что Валентин Иванович первым из всех сотрудников составил календарную сводку, что, когда бы собла-

щество, то Валентин Иванович, будучи человеком довольно начитанным, являлся подобным образом исключительно ради солидарности. Жалуюсь, к примеру, на свою бывшую жену, которая будто бы выпала на него какое-то завязание, он говорил: «Моя разведенная супруга сочинила про меня верюню».

С женой Валентин Иванович развлекся года три назад, считая женитьбу на железнодорожной проводнице ошибкой молодости. Он жил один, в узкой каморке, которую выиграл себе из общей комнаты, с отдельным холмом через сарай, где у него был устроен душ. Когда я как-то зашел к нему, он рассказал, что душ принимал ежедневно, даже зимой, для чего специально грел на керосинке воду, но голову мыл с мылом только раз в неделю, иначе волосы выпалили. Тогда же он показал мне и свою комнату, причем, подводя к кровати, сказал: «Здесь я сплю». «Здесь я сплю», — сказал Валентин Иванович, — «Здесь я вывожу свой идейно-теоретический уровень». Заметив, что я обратил внимание на фотографию молодой женщины, висевшую над столом, он с достоинством сообщил: «Это моя знакомая, с которой я состою в переписке, поскольку она живет в отдаленном от меня районе». На женщине был венчик из искусственных цветов с клычатыми лентами, переброшенными через плечо, а вокруг, образуя овальную рамку, белела выпаранная на негативе наплесь: «Если встретиться нам не придется, значит, наша такая судьба. Пусть навеки с тобой остается неопознанный человек мой». Я попросил разрешения записать эти строки, и Валентин Иванович не только не возражал, но даже дважды прочитал их вслух, опасаясь, как бы я не опустится ошибкой.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

М а л я в о ч к а

из деревенских встреч

Ефим ДОРОШ

Представьте себе человека лет тридцати трех, среднего роста, отлогого, выдать, здоровая — такого, о котором обычно говорят: аккуратный, плотный... Лично у него круглое, розовое, с небольшими повислыми глазами в белесых ресничках. Одет он в обыкновенный пиджачный костюм, из тех, какие изготовляют всякого рода швейшмамы и в выборе которых ни высу, ни характер проявить себя не могут. Но зато во всем остальном, что относится к его одежде, легко угадать личность положительную, склонную ко всему основательному, солидному. Галстук, например, прикреплен к его сорочке специальными зажимами, а рукава ее, чтобы манжеты прежде времени не обтерлись, подтянуты круглыми резинками; брюки поддерживаются не только ремнем, но еще и потяжками; на ногах, поверьте, суконые гетры...

Открывает ли он ящик письменного стола, чтобы достать свернутый в газету завтрак, перелистывает ли документы, поашин створкой ниткой в картонной папке, шипет ли он что-нибудь, нажимая пером в тех местах, где положено, и едва касаясь им бумаги там, где по правилам линия должна быть тонкой, с волосок, — все это он делает не торопясь, с достоинством, с той, а бы сказать, профессиональной точностью, какая выпрабатывается долготелетней привычкой.

Да так оно, собственно, и есть. Валентин Иванович Маливочка сидит за своим столом, не опускаясь бы, лет десять, с тех пор, когда еще вношеи, только что окончив техникум, приехал в Красныно и был назначен в районный отдел сельского хозяйства.

Впрочем, о том, что он работает именно в этом отделе, я узнал сравнительно недавно. Мало ли людей, — молодых, пожилых и старых, точнее, состарившихся на моих глазах, — пишут какие-то бумаги в большой грязноватой комнате райисполкома с четырьмя окнами на улицу. Эту комнату в шутку называют сборной комнатой, потому что здесь стоят столы чуть ли не десяти сотружников различных исполкомских отделов: и районного, и отдела колхозного строительства, и культурно-просветительного, и сельскохозяйственного.

Впрочем, о том, что он работает именно в этом отделе, я узнал сравнительно недавно. Мало ли людей, — молодых, пожилых и старых, точнее, состарившихся на моих глазах, — пишут какие-то бумаги в большой грязноватой комнате райисполкома с четырьмя окнами на улицу. Эту комнату в шутку называют сборной комнатой, потому что здесь стоят столы чуть ли не десяти сотружников различных исполкомских отделов: и районного, и отдела колхозного строительства, и культурно-просветительного, и сельскохозяйственного.

Впрочем, о том, что он работает именно в этом отделе, я узнал сравнительно недавно. Мало ли людей, — молодых, пожилых и старых, точнее, состарившихся на моих глазах, — пишут какие-то бумаги в большой грязноватой комнате райисполкома с четырьмя окнами на улицу. Эту комнату в шутку называют сборной комнатой, потому что здесь стоят столы чуть ли не десяти сотружников различных исполкомских отделов: и районного, и отдела колхозного строительства, и культурно-просветительного, и сельскохозяйственного.

Впрочем, о том, что он работает именно в этом отделе, я узнал сравнительно недавно. Мало ли людей, — молодых, пожилых и старых, точнее, состарившихся на моих глазах, — пишут какие-то бумаги в большой грязноватой комнате райисполкома с четырьмя окнами на улицу. Эту комнату в шутку называют сборной комнатой, потому что здесь стоят столы чуть ли не десяти сотружников различных исполкомских отделов: и районного, и отдела колхозного строительства, и культурно-просветительного, и сельскохозяйственного.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

XIV пленум правления Союза советских писателей СССР

Вечернее заседание 23 октября

На вечернем заседании, проходившем под председательством А. Суркова, первым выступил **Самед Вургун** (Азербайджан), который говорил о богатстве и разнообразии направлений в литературе социалистического реализма и следовательно в драматургии. Между различными творческими направлениями идет соревнование, но, к сожалению, пленум не показал этой живой картины развития нашей драматургии. С. Вургун отстаивает правомерность существования в советской литературе романтики-природного, торжественного стиля. Для передачи богатства и глубины мысли советского человека в драматическом произведении надо, чтобы речь героев не была сухой, натуралистически воспроизведенной, как это часто мы видим в пьесах, а красивой, поэтичной.

Несомненно по поводу того, что на пленуме, посвященном советской драматургии, ничего не было сказано о работе тех людей, которые дают сценическую жизнь произведениям драматургии, выразил главный редактор Театра Советской Армии **А. Попов**. Это упущение, считает он, выражает в какой-то степени ослабление связей между драматургией и театром.

А. Попов большую часть своего выступления посвятил образу советского человека в пьесах наших драматургов. Он считает, что априорно, заранее придуманное решение обязательно написать образ положительного героя приводит к схематизму, к механическому дописыванию определенных качеств, в процентном соотношении добра и зла. Надо рисовать неповторимо-конкретные, разнообразные и в то же время общечеловеческие образы советских людей, во всем богатстве их характеров, и тогда-то, как конечный результат, может появиться в пьесе положительный герой.

Драматург не должен забывать, сказал А. Попов в заключение, что ему надлежит зарабатывать право занимать место в течение 4-х часов до полутора тысяч советских людей, быть их собеседником. Надо иметь круг важных мыслей, глубоких чувств, переживаний, наблюдений, образных сравнений, юмора. Никакое мастерство в построении сюжета не заменит этих качеств.

А. Фадеев в своей речи остановился на

огромном значении решений XIX съезда партии и постановлений сентябрьского Пленума ЦК КПСС и на тех задачах, которые в связи с этими решениями возникают перед писателями. Советская литература в своем развитии опирается не только на классические традиции, но и на богатый опыт советских писателей. Отмечая плодотворность требовательной и принципиальной критики, А. Фадеев подчеркнул, что следует различать критику ошибок советских писателей от борьбы против враждебной идеологии и ее сознательных носителей. Большое внимание уделено А. Фадеевым вопросам вовлечения в литературно-общественную деятельность широких кругов писателей — коммунистов и беспартийных, о борьбе за мастерство, об улучшении работы всех звеньев Союза писателей.

В конце заседания с речью выступил министр культуры СССР **П. К. Пономаренко**. Он говорил о роли советского театра, пропагандирующего политику партии, призванного воспитывать народ, особенно молодежь, в духе коммунизма, обязанного удовлетворять растущие культурные запросы трудящихся нашей страны. У нас в стране работает 497 театров, показывающих спектакли на 39 языках народов СССР. Советский многонациональный театр за время своего существования приблизил искусство к народу, завоевал нового зрителя и, усвоив лучшие реалистические традиции, созданные на протяжении вековой истории русского театра, успешно развивал их на основе социалистического реализма.

Отметив известные успехи драматургии, выступившие после XIX съезда партии, П. К. Пономаренко указал, что пока еще эти достижения не отвечают требованиям, которые предъявляют к литературе и театру партия и весь советский народ.

Немало спектаклей идут при далеко не полном зрительном зале. Это означает, что многие театральные зрелища не привлекают зрителя. Количество театров у нас, по сравнению с довоенными временами, значительно возросло, профессиональные театры появились там, где раньше не было никакого представления, например в союзных республиках Средней Азии, а интересных, понятных и

идейно-художественном отношении пьес у нас еще недостаточно.

О невысоком качестве пьес и низком уровне иных постановок красноречиво свидетельствует короткая жизнь многих спектаклей, поставленных периферийными театрами и прошедших на сцене всего лишь 10—20 раз, а затем переставших привлекать зрителей.

Нельзя забывать о создании репертуара для самостоятельности. У нас 350 тысяч кружков, в которых участвуют более пяти миллионов человек. Только за прошлый год они показали 910 тысяч спектаклей и концертов, и их посетили 90 миллионов зрителей. К этой большой армии людей, приближающейся к искусству, надобно относиться со всем уважением.

В своей речи П. К. Пономаренко говорил также о работе кинодраматургов; он отметил, что кинематография чрезмерно увлеклась исторической тематикой, отдалась от жизни современников, забывала о советском человеке, его чувствах, думах, заботах и радостях, сообщила пленуму о планах и перспективах производства кинокартин различных жанров.

Большое внимание П. К. Пономаренко уделено задачам, стоящим перед драматургами и писателями в свете решений XIX съезда партии и сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Обсуждение вопросов драматургии закончено. По первому пункту повестки дня пленум принял постановление, в котором секретариату ЦСР поручается, издать материалы XIV пленума, сделать все практические необходимые для оживления работы комитетов и секций драматургов в Москве, республиках, краях и областях. При этом главным считать непосредственную помощь драматургам, работу над повышением их драматургического мастерства.

Секретариату совместно с комиссией по драматургии поручено подготовить предложения по улучшению системы рассмотрения и прохождения новых пьес с тем, чтобы обсудить эти предложения вместе с Министерством культуры СССР.

Утреннее заседание 24 октября

На заключительном заседании 24 октября, проходившем под председательством А. Фадеева, обсуждался вопрос о созыве II Всесоюзного съезда советских писателей и избрании нового состава президиума и секретариата.

В течение девятнадцати лет, — сказал А. Сурков, — не созывался писательский съезд. За эти исторические годы, прошедшие нашей страной, произошли огромные изменения в советской литературе. Если в 1934 году, в период первого съезда, многие братские литературы еще только делали первые шаги, то теперь во всех национальных республиках у нас есть большая, художественно и тематически богатая литература. За эти годы вошло в литературу два новых поколения писателей — довоенное и послевоенное — писатели, которые смело и решительно выступили в первые годы и создали произведения, пользующиеся любовью как советских, так и зарубежных читателей. За эти годы советская литература стала серьезным фактором развития литературы стран народной демократии, она оказывает большое влияние на всю прогрессивную литературу мира. Все это говорит о необходимости подытожить и обобщить накопленный богатый и разнообразный опыт и наметить пути дальнейшей работы, что

бы достойным образом ответить на требования, которые предъявляют к нам партия, народ, выполняя задачи, поставленные перед литературой решениями XIX съезда и последними историческими документами партии и правительства.

Серьезные недостатки имеются в деятельности президиума и секретариата союза. Редакционеры журналов не сумели создать вокруг журналов атмосферу коллективной творческой работы, не объединили писателей и критиков вокруг обсуждения творческих вопросов и новых произведений. Очень слабо работали творческие секции как на местах, так и в Москве.

Необходимо развернуть работу по подготовке съезда писателей, упорядочить всю организационную работу, добиться полной коллегиальности руководства и широкого привлечения писательского актива к общественной жизни литературных организаций.

Пленум принял постановление созвать II Всесоюзный съезд советских писателей осенью 1954 года и поручил президиуму в двухмесячный срок подготовить предложения о повестке дня съезда, о порядке и нормах представительства на съезде и мероприятиях по подготовке к съезду. Пленум постановил также созвать в январе — феврале 1954 года отчетный,

XV пленум правления Союза советских писателей СССР, на котором будут рассмотрены подготовленные к съезду.

Затем пленум перешел к избранию президиума и секретариата. Единственно принятое решение о новой структуре руководящих органов. В соответствии с уставом ЦСР восстановлена должность председателя правления.

Председателем правления ЦСР СССР единогласно избран **А. А. Фадеев**.

Пленум избрал президиум правления. В президиум избраны 35 человек: А. А. Фадеев, А. А. Сурков, К. М. Симонян, Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, Н. М. Грибачев, Б. Н. Поленов, Л. С. Соболев, В. Н. Ахаев, А. Т. Твардовский, Л. И. Панферов, В. М. Колосников, Н. Ф. Погодин, А. В. Софроньев, Самед Вургун, М. Ф. Рыльский, П. У. Бровка, А. Т. Венцлова, С. П. Шингарев, М. А. Шолохов, Е. Е. Корнейчук, Ф. В. Гладков, Н. Г. Эрнбург, К. А. Федин, Н. П. Бажан, Г. И. Леонидов, Н. А. Асеев, В. П. Катаев, С. Я. Маршак, В. В. Ерилов, А. А. Каравасов, А. А. Перенджиян, Турсун-Заде Мирзо, Гафур Гулям, Напир Зарьян.

Для руководства повседневной практической работой избран секретариат: А. А. Сурков (первый секретарь), К. М. Симонян, Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, Н. М. Грибачев и Б. Н. Поленов.

рассыпан оес. Гусак раскинул крылья, вытянул шею и стал, не шлепая, приближаться к Валентину Ивановичу, а тот, взяв обеими руками свою пухлую папку, махал ею на сордиту птицу, кричал: «Быш, быш» — и ошавие обходил ее стороной.

— Фом Фомич еще не вернулся с обеда? — спросил Валентин Иванович, войдя к Тарасу Егорычу и поспешно протянув каждому из нас мягкую холодную руку. — Мне бы у него поинформироваться насчет использования минеральных удобрений.

— А я и не знал, что наш Фом Фомич по этому делу спец! — развел руками Тарас Егорыч. — Думаю себе — бухгалтер... Держу его, чуяка, в конторе.

Валентин Иванович не понимая иронии, устанным на Тараса Егорыча сроним безмятежными голубыми глазами в мохатых светлых ресницах и деланно поспешно: — Собственно, я имел в виду отчетность.

— Отчетность! — подыскал из-за стола Тарас Егорыч. — Так наша же с вами отчетность в степи! Сейчас коня надо запрячь, поедем. Мне предельно надоело Корсаков говорить: «Крепенький у тебя конь». «А я и сам, отвечаю, крепкий. Больше пешком хожу. Нога, говорю, земля виднее». Или, может, промиседа? Горючие граждане это обожают. У нас тут дачница одна живет, не хуже меня вышагивает. Водух!

Говоря это, Тарас Егорыч предпринимал распахивать перед нами дверь, потом, когда мы вышли на улицу, пошел шагать хорошим ходким шагом. Валентин Иванович остановился, деловито и аккуратно повернул бровку, чтобы в открытой щели не набилась земля, и поспешно шагал к Тарасу Егорычу. Странное дело, Валентин Иванович показался мне почему-то меньше ростом, может быть, из-за того, что очень уж широко и просторно было вокруг.

Стоял тихий и жаркий августовский день. Хорошо наезженный шлях, обходя увалы и опускался в неглубокие низинки, тянулся среди полей. На возвышенной луличинки стерне уже зеленели успешные всходы сорняки. Грачи проглатывали по только что поднятой ояи. В одном месте, под старым осокором, желтели в дорожной пыли первые ошавшие листья. В другом, в черной и глубокой коле на дне балочки, блеснула вода, на которой прыгала в траву на обочине шустрые лягушки.

Мы свернули на чистое поле. Серые и комковатые, чуп полескине сверху, гребни, с торчавшей кое-где стерней, источались, уходя к горизонту. Я заметил, что

Тарас Егорыч сперва ступает пяткой, а потом уже опускает носок, проверяя каблукую глубину пахоты. Земля ошавалась с его сапог мелкими крупинками, оставляла на пориженной коже влажные темные следы. А Валентин Иванович, ковыляя вразвалку, как видно, туфли его были полны земли, но он стойко переносил это неудобство.

Тарас Егорыч наклонился, разгреб рукой комья земли, показал Валентину Ивановичу срезанное плугом корневище с увядшим побегом пырея и объяснил, что почва здесь очень богата азотом. И вдруг, будто спохватившись, как бы досадно на свою стариковскую память, добавил:

— Совсем из головы улетело... Вы же и сами эту химию проходили: «Азот» — солому гонят, а фосфор ошавает семечка». Одно без другого не идет. Хорошо бы сейчас суперфосфату пог выб...

Валентин Иванович сосредоточенно молчал.

Почте потесненно поднималось, гребни пахоты теперь уже лежали поперек, и мы шагали по ним, как по ступеням. Тарас Егорыч шел несколько вперед, легко прощелкала по земле. Силнее его талифе, необычайно широкие, напоминавшие шаровары, выглядели очень яркими на желтоватом, с красноватой, поле. Валентин Иванович едва поспевал за неутомимым стариком, и, выходя, с неспешностью, то дело вытирал платочком вспотевший лоб. Тарас Егорыч обратил его внимание на то, что по мере того, как мы поднимались, пахота становилась глыбистее и темнее, затем он опрокинул носком сапога ошавнейший кусок земли и показал распаханный под ним смятый кустики повилики.

— Солонихи, — проговорил он. — Как раз бы их теперь лисовал. — И снова, поглядывая на Валентина Ивановича, с удивлением развел руками: — Ну никак не привыкну, что вы агроном! Новинные уж.

Должно быть, мы вышли на возвышенность. Отсюда далеко было видно вокруг. Черные, серые и коричневатые поля, нечерные и разных направлений борозды, как бы текли к бажам и вбиралась на увалы. Среди восшаанных полей лежали зеленые клеверница, пыльные пастбища, ошавшиеся на сонные прамотельники стерни. Но стерня, стреляя клубочками дыма и разматывая за собой темную ленту пахоты, двигалась тракторами. Было удивительно, что она и та же степь может влиять в себя и то воп далекое черное поле, с паславшейся в дыме жарва ливней горизонта.

зонта, и эти сухие солонихи под нашими ногами, в сеточке трещин, в редких сгоревших травинках.

Тарас Егорыч спросил меня, как, на мой взгляд, следует распределить удобрения. Несколько неужемая, я ответил, что, вероятно, исходя из особенностей почвы и высеваемых культур.

— Единственно, как вы подсказали, — согласился Тарас Егорыч. — А вот он, — кинул он в сторону Валентина Ивановича, который сидел на оеме и разувался, — он по бажаме распределяет. Ему бы в землю лезть, а он — в бумажку на Сельхозбаба: такой-то колхоз вывез в прошлом году столько-то удобрений, и в по-ошопном столько-то, ну и выходит, получай ту же самую норму. Выходит, земля виновата, что до меня тринадцатый председатель было и ни один удобрений не выловил: или денег у него нет, или считает морочкой с ним возиться.

— Вам фосфоритка была занаружена, — с неумолимостью отозвался Валентин Иванович, вытянувшись набухнувшим в туфли землю и стал обуваться.

Я посмотрел на Тараса Егорыча и не узнал старика. Взгляд его из-под нависших бровей, всегда ровный и ясный, потемнел, стал колючим. На лбу воздусал лозе серого цвета жилистая, в узелках, жилка. Доброе лицо председателя, с крупными, мягкими чертами, из-за этой блонней жизни и сунувшихся глаз приобрело сухое, язвительное выражение. Точно так же, покосен и подвигнут, стоит где-нибудь в степи у дороги приземистый, весь в сивазато-черных алогах, чуть припрощенный пылью терновник, листом не шелухи, не взорвется, словно ошавел на жарком ползучем солнце, но только лишь залезешь его — и он вострещается, запустит всеми своими ветвями, а колочны вопльются в неосторожную руку.

— Инсарчук! — проговорил взорхал Тарас Егорыч, повернувшись и помет прочь. И в этом слове, которым в пору моего детства крестьяне презрительно называли уездных канцеляристов, было все, что мог сказать старый агроном о своем товарище по профессии, который ридом с ним хотил по земле и не хотел вилать даже того, что этим вот солонихи нулен гиле.

— Привикли специалистов утритривать, — обиделся на председателя Валентин Иванович, имея в виду, конечно, «гритритоваль», и обшосковенно добавил: — За-стать бы Фому Фомича. Завтра сродку ошавлять, а у меня еще по плечу колхозу никаких сведений.

В. ЕРМИЛОВ

О НАРОДНОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Борьба народа за свое освобождение претворилась, как это ясно видно на примере трех этапов русского революционно-освободительного движения и трех поколений революционеров, действовавших в нем. Указав на преемственность в народном освободительном движении, Ленин тем самым, по существу, дал ключ к решению вопроса о том, почему искусство успешных в прошлом исторических формаций часто сохраняет свое живое значение для новых поколений и общественных формаций, служит для последних источником непосредственного художественного наслаждения. Степень народности является одновременно и степенью правдивости, объективности отражения конкретно-исторической действительности в художественном произведении. Вопрос о степени народности искусства тесно связан с вопросом о художественности, ибо художественность неотделима от полноты, правдивости, глубины отражения объективной действительности, типичности воплощаемых художником характеров и обстоятельств. Меняется на протяжении исторического развития, со сменой общественных формаций, классовое содержание народной массы, и соответственно меняются ее взгляды, стремления, цели, но всегда народ является решающей силой истории, производящей и вдохновляющей все великие материальные и духовные ценности.

Именно с народностью литературы ближайшим образом связан также вопрос о литературной преемственности, о литературных традициях и литературном новаторстве. Потому и возможно продолжение и развитие литературных традиций, несмотря на различные классы, вытеснявших тех или других писателей, и на различные общественные формации, что существует преемственность в народном освободительном движении и в тех влияниях, которые в различные эпохи оказывает народ на творчество писателей.

Положения Ленина о трех этапах русского освободительного движения и должны быть прежде всего положены в основу изучения развития народности русской литературы критического реализма и литературы социалистического реализма. Только при таком изучении мы сможем и обосноваться от тех абстрактных представлений о народности литературы, при которых мера народности различных писателей возникает лишь в количественном, а не в качественном значении.

Рассмотрим некоторые примеры развития народности русской литературы в связи с тремя этапами русского освободительного движения — примеры, помогающие усилению того, в каком направлении следует, на наш взгляд, разрабатывать проблему развития народности литературы, опираясь на анализ художественной специфичности, поэтической конкретности литературных явлений.

Наша советская литературная наука уже достаточно развита, что характер народности русской литературы критического реализма объясняется целым рядом особенностей русского исторического развития, в числе которых наиболее важную роль играет не сходящий с порядка дня крестьянский вопрос, назревание крестьянской революции. Самое рождение русской литературы критического реализма явилось отражением могучего народного протеста. Огромную роль в развитии этого протеста, в развитии русского национального самосознания, в оформлении критического реализма и в своеобразии всего облика, всех традиций — в том числе героико-эпических традиций русской литературы — сыграла победоносная национально-освободительная война 1812 года.

В писателях, отразивших период дворянской революционности в развитии русского освободительного движения, целиком применены глубокая и тонкая мысль, выскаязанная М. И. Калининским: «Народность основной струи художественной мысли состояла в развитии прогрессивных элементов в господствующих классах, что не могло не вести хотя бы отчасти к развитию народа». Самое развитие прогрессивных элементов в господствующих классах являлось отражением народной борьбы. Национально-освободительная война 1812 года была исключительным по своей народности доказательством решающей силы народа в истории — народа, который, по характеристике Л. Толстого, поднял дубину народной войны. Патристический героизм, эпические поэзия народа сделали ясной для всех народных людей эпохи неразрывную связь патристизма с народностью и со свободностью. Недаром у декабристов понятия **отчуждения** и **свобода** были связаны такой прочной связью, что одно не мыслилось без другого. И недаром в пушкинской поэзии, кровно связанной с дворянским этапом русского революционно-освободительного движения, слова **свобода** и **отчуждения** были словами-близнецами.

Энергия народа, поднятая громами Отечественной войны, была велика, и много было ясно, что этот подъем не удержится в рамках, отведенных ему правящим классом, правительством, реакционной массой дворянства. За период от 1813 года по 1825 год произошло свыше 500 крестьянских волнений, некоторые из которых по своему размаху напоминали порою путчаевские времена: такими были волнения в Елатьинском уезде, которые наблюдали Пушкин, волнения на Дону. Вулновали рабочие на уральских и других заводах; шла брожение среди воспопоселенцев; в 1820 году в самой столице вспыхнуло восстание в Семеновском полку. В прокламациях восставших говорилось о царя и дворянства: «таран тараном зашибает». Слово «таран» одинаково применялось и к Наполеону и к российскому самодержцу, — точно так же, как пушкинская строфа оды «Вольность», начинавшаяся словами «Самовластительный ошав», относилась и к тому и к другому. Народ настолько ошавительно «критиковал» отживший феодально-крестьянский строй, что литература не могла не проникнуться критическим началом.

Великое идейно-художественное новаторство Пушкина сказалося прежде всего в том, что в его творчестве была поставлена тема народа как коренная тема истории и современной действительности. Эта тема в пушкинской поэзии развещалась, претворилась в множество богатейших, разнообразнейших вариаций. С большой силой звучал мотив: **поэт и народ**. Сдержанным гневом и скорбью о положении поэта и о положении народа в феодально-крепостническом обществе наполнены величавые стихи: Блажен в златом кругу вельмож Пинт, внимающий царям. Владеет смехом и сезамом. Приправя горькой инавой ложь. Он вкисе притупленным шекотит И к славе спешит бояр ошавит. Он украшает их пиры И внемлет умные хвалы. Меж тем за тяжкими дверями, Теснись у черного крыльца, Народ, гонимый слугами, Поодаль слушает певича.

Этот отрывок является настолько поэтически законченным, что мы имеем полное право рассматривать его как самостоятельное художественное произведение.

Каждое слово по-особенному весомо в этих стихах; поразительно весомо, кажется, физически ошущима тяжесть этих тяжелых дверей — протал, которыми пытался отгородить народ от поэзии; предельно ясны горечь и стыд за удивительное положение поэзии, для которой ошавимость высказывать правду — ту горькую правду жизни, без которой нет поэзии, сопряжена с явно вынужденной ложью в угоду господствующему классу. Протал над вельможами и царями, внимающими лести пира, горькая ирония над положением самого поэта, роль которого следе-на к украшению боярских пиров, — эта ирония выражена в неослабном перебе ритмического строя стиха — в этих легких, как будто легкомерно высказывающихся из общего тяжелого, кованого ритма коротких, неожиданных изменениях всю торжественно-величавую музыку стиха дука-на-ошавимой скоростной горькой строках, с их пародией на рафму: Он украшает их пиры И внемлет умные хвалы.

Самое положение этих двух строк в общем ритмическо-смысловом и интонационном торжественном строе стиха наошавило, и каждое слово в этих строках получает наошавленно-ироническую окраску; именно в этих строках как бы прорывалась то сочетание торжественности и вельможности с внутренней иронией, которое звучит во всей мелодии стихотворения. Созвучие слов **пиры** и **хвалы**, с его неточностью, при общем ироническом звучании этих двух строк во всем строе стихотворения, как бы ставит под ироническое сомнение и самую ценность тех умных похвал, которыми внемлет пинт; неточная связь этих двух слов бросает наошавливый отблеск на **хвалы**, источаемые при **пирах**. Иронический переброс стиха, в сущности, и связывает торжественность первой половины стихотворения, относившейся к теме: поэт и господствующая чернь. Так выясняется, что и первое слово, которым открывается стихотворение: **блажен** — иронично. (Слово **блажен**, поставленное рядом со словом **слава**, снижает славу вельмож и царей, а значит, снижает и славу поэта, поспевающего царей и вельмож. После ироничности перебоя во второй половине стихотворения, относившейся уже к теме: поэт и народ, стих опять возвращается к величавой торжественности, и эта торжественность, сумрачная, горько-ироническая, уже ничем не перебивается, не снижается, а, наоборот, усиливается, возвышается, уходит до высшей точки подъема в последней многозначительной строке — и грустной и грозной: народ, который Поодаль слушает певича.

Богатство идейно-художественного наполнения последних четырех строк поэзии нестерпимо. Народ стремится к поэзии вопреки тяжким дверям, глумленному челу, теснясь у черного крыльца, — со скулой и могучей поэтической силой передала вся необходимость для народа поэзии. Особая весомость заключительной, итоговой строки усиливается именно тем, что народ остается безмолвным; стихотворение как будто не окончено. Мы не знаем, намеревался ли Пушкин развернуть далее тему народа в стихотворении, но «незаконченность» эта явилась самой высокой поэтической завершенностью: она говорила об исторической незаконченности темы. Как и народная поэзия, которая часто не любит прямых выводов, ограничиваясь в финалах эпическим указанием на положение, отношение лиц в самой композиции, — так и пушкинское стихотворение характеризуется в финале скульптурной неподвижностью образа народа. Мы не видели выражения лица, не слышим слов, возмущающий восторг или ошавствения. И именно это дает нам ясное ощущение значительности, глубины накопления чувств, живое ощущение созревающей большой мысли, сурового и правдивого суда. Народ **поодаль слушает певича**, это — не его поэзия, да его и не пускает к ней, она далека от него. Но в ней есть и ложь, и горькая правда, — значит, в этой поэзии есть и то, что принадлежит народу. И народ слушает все — и правду, и ложь — и вершит свой суд, свой приговор, в котором будет отсужена ложь от правды. И это суждение будет более весомым, чем сомнительные умные хвалы, связанные с боярскими пирами. Оно будет более весомым и потому, что тут, у народа, который стремится к поэзии вопреки всем тяжким прегрешам, поэзия не встретит «вкуса притупленного»... В глубоком поэтическом полноводном течении стиха выражено стремление к правде, к горькой правде — от сладкой лжи, от удивительного для поэзии служения сильным мира сего, передача сущности мерцания, своего рода поэзия поэзии в украшении пиров. Очень ясно, по всей поэтической логике произведения, что народ и есть истинный слушатель поэта. «Безмолвный», угнетенный народ остается высшим судьей поэзии, как и высшим судьей всей жизни, и последнее слово остается за ним. В заключительной строке слышится и глухая, отдаленная, как дальний гром, угроза. Но своей угрозой, сдержанной, угрожающей силе эта строка наполнена другой, столь же многозначительной пушкинской строке: Народ **безмолвствует**.

В словах: **приправя горькой правдой ложь** — выражена и горькая ирония над самой правдой, настолько урезанной в своих правах, что она стала приправой к лжи, — приправой необходимой, потому что

и ложь невозможна без правды: ложь есть искажение истины.

Если бы в стихотворении не присутствовал образ народа, слушающего и правду и ложь, то все богатые и сложные мотивы: а стыд и горечь за поэзию, и ирония, и даже печальное сочувствие поэту — артисту, владеющему смехом и «сезамом», — все это не могло бы прозвучать с такой силой. Стоит только извлечь из стихотворения образ народа, как все окажется лишь замкнутым, внутренним дворянским делом, и самые слова о горькой правде потеряли бы все свое трагическое значение, всю свою поэтическую горькую силу: эти слова весомы, они звучат только в связи с образом народа. Так в самой конкретной поэтической ткани произведения мы чуть ли не с физической ошавительностью прощупываем его народность. Стихотворение не **состоит** без образа народа. Но это и есть одно из неопровержимых, поэтически документальных а не отвлеченных доказательств того, что значение народа для поэзии остается решающим даже и тогда, когда народ **безмолвствует**. Народ в пушкинском стихотворении был своим безмолвием — не фон, не иллюстративная условность, а реально действующий в поэтической логике стихотворения, определяющий эту логику образ. И самое безмолвие народа действительно, таит в себе могучий потенциал действия.

В некросовой поэзии народ уже отнюдь не безмолвствует, он прямо говорит о своей жизни, прямо высказывает свои мнения и оценки. Революционеры-теоретики, выдвинувшие новые требования к литературе, выдвинули и новые формулы отношения между поэтом и народом, новый образ поэта. Прогрессивным в этом отношении явилось знаменитое стихотворение Некрасова на смерть Гоголя, переключившаяся с рассмотренным стихотворением Пушкина. Эта переключка существует независимо от того, знал или не знал Некрасов пушкинский отрывок. При обоих вариантах самый факт, сама возможность такой переключки представляет первостепенный интерес. Оба стихотворения — пушкинское и некросовское — характеризуются и родством всего своего ритмического строя, и иронической окраской одного и того же слова, открывающего оба стихотворения: **Блажен в златом кругу вельмож** — у Пушкина; **Блажен незлобивый поэт** — у Некрасова. Окраска первого слова различна: у Пушкина — горько-ироническая, у Некрасова — сатирически-отрицательная, но в обоих случаях ирония несомненна.

Образу «незлобивого поэта» («миролюбивой» лирой в некросовском стихотворении) противопоставлен образ поэта — защитника народа, поэта-обличителя, бойца.

...Питая ненавистью грудь, Уста вооружен стетрой, Прокладет он тернистый путь Своей карающей лирой. Его преследуют хулы: Он ловит звуки одобренья Не в сладком рокоте хвалы, А в диких криках озлобленья.

Слова **хвалы**, которые в пушкинском стихотворении находились в своеобразном созвучии со словом **пиры**, в некросовском стихотворении нашли точную рафму, подчеркивающую и остроту резкой критики неостановленности таких похвал, как **хвала** и **хула**, и остроту их отождествления в сознании поэта — народного защитника, для которого хула, исходящая от недругов народа, служит лучшим отображением зловонного **ми тернисто**го пути.

Новая формула отношения между поэтом и народом, новый образ поэта, выдвинутый литературой социалистического реализма, нашел наиболее яркое и значительное выражение в поэзии Владимира Маяковского. Глубина слияния поэта с народом и его высшей правдой — коммунизмом была выражена и в словах из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

Я счастлив, что я этой силы частица...

и в утверждении: **Поэт — одновременно народа вождь и народный слуга**.

Слово **счастлив** у Маяковского дано в прямом значении, а не в том внутреннем отрывании, в каком соответствующее этому слову предстает в стихах Пушкина и Некрасова, посвященных теме: **поэт и народ**.

Эта тема во всех наиболее значительных произведениях русской поэзии всегда звучит в связи с темой **правды** — той правды, без которой невозможно самое существование поэзии. В поэмах А. Твардовского, продолжающего и развивающего пушкинские и некросовские традиции в наше время, образ Коммунистической партии, привнесшей народ к торжеству самой высокой правды, органически связан с образом народа; неразрывное единство **партийности** и **народности** пронизывает всю художественную ткань поэмы «Страна Муравия». Тема **правды** в связи с темой **поэта и народа** в поэме «Василий Теркин» играет роль лейтмотива.

А всего нашего душе Не прожить без правды. Без чего? Без правды сущей, Правды, прямо в душу бьющей, Да была б она пошуче, Как бы ни была горька...

Народу не прожить без правды, поэзия тоже «не прожить без правды» без правды. Пушкинское претерпевание к лжи, к правде, к приукрашиванию действительности особенно близко и понятно советской литературе именно потому, что это литература торжественной, победившей правды, непосредственно-народная литература по самой своей сути.

Так на трех этапах развития русской литературы развивалась и изменялась самое представление поэта о сущности их взаимоотношений с народом в связи с изменением самого качества народности литературы. Устремление поэзии к народу, невозможность существования поэзии без народа — у Пушкина; борьба за свободу народа против угнетателей — у Некрасова; неразрывная связь поэзии с народом-победителем, с Коммунистической партией, привнесшей народ к торжеству правды, создание реального, передового значения поэзии в новом обществе, полнота слияния поэзии с народом — у советских поэтов.

